

В.О. ЗВЕРЕВ

ШПИОНАЖ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В РОССИИ (1904–1914 годы): ВЫМЫСЕЛ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Были ли немецкие переселенцы германскими военными шпионами? Какую опасность представляли их многочисленные колонии для интересов внешней безопасности России?

Отсутствие ясного ответа на эти вопросы обусловлено не только ограниченностью доступных исследователям архивных ресурсов, способных пролить свет на темные стороны истории немецкой колонизации, но и господствующим в историографии представлением о якобы всесторонней изученности этой темы советскими и российскими авторами. На самом же деле эта тема нуждается в дальнейшем исследовании.

В конце XIX – начале XX в. наблюдалось активное переселение граждан Германии на территории Российской империи, прилегающие к северо-западному, западному и юго-западному участкам ее государственной границы (районы ведения Петербургского, Варшавского, Виленского, Киевского и Одесского военных округов).

В окрестностях Санкт-Петербурга с населением 2 млн 740 тыс. чел. к 1913 г. проживало 93 тыс. немецких поселенцев мужского и женского пола, компактно осевших в девяти колониях (Шувалововская, Гражданка, Ново-Саратовская, Среднерогатская, Колпинская, Эдюп, Петергофская, Стрельнинская и Кипень)¹.

В Эстляндской и Лифляндской губерниях из 3 тыс. иностранцев мужского пола (немцы, австрийцы, шведы, французы и англичане) в возрасте от 19 до 60 лет на долю немцев (иностранного или русского подданства) приходилось, по данным на 15 февраля 1905 г., 1 тыс. 821 чел.²

Более значительная концентрация иностранного населения с преобладанием немцев и австрийцев была зафиксирована на юго-западе России. По данным переписи населения, например, в Волынской и Бессарабской губерниях с 1882 по 1897 г. их численность возросла до 200 тыс. и 213 тыс. 500 душ обоего пола, соответственно³.

Большинство немцев-колонистов связывали свое будущее с экономической деятельностью, то есть с освоением необработанных земель, передачей новых знаний и умений сельским обывателям, а также с созданием конкурентной среды. Благоприятная экономическая конъюнктура позволила немецким фермерам северо-запада и юга России в короткий срок занять лидирующее положение на региональном картофельном и зерновом рынке⁴.

Зверев Вадим Олегович – кандидат исторических наук, доцент Омской академии МВД России.

¹ *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: записки очевидцев. СПб., 1999, с. 385.

² Обзорение Петербургского военного округа, ч. 1, отд. 2. Военно-статистический очерк. Население. СПб., 1904, с. 39.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1278, оп. 6, д. 422, л. 3, 5.

⁴ *Засосов Д.А., Пызин В.И.* Указ. соч., с. 380–390; *Приб А.* Немецкие колонисты России, 1763–2006. Исторический очерк. Аугсбург, 2009, с. 29, 46, 61, 65–69.

Исследователи, обращавшиеся к политическим аспектам немецкой колонизации, кратко упоминали о причастности переселенцев к иностранному шпионажу. Историк И.К. Агасиев писал, что офицеры русской армии (в частности, офицеры немецкого происхождения), “обычно положительно отзывавшиеся о немецких колонистах, как о полезном, трудолюбивом элементе, видели в них шпионов Германии и Австро-Венгрии”⁵.

А.С. Резанов, И. Никитинский, П. Софинов, С.В. Кудряшов, Н.С. Кирмель⁶ утверждают, что российские немцы-колонисты были не столько трудолюбивыми землепашцами, предприимчивыми землевладельцами и промышленниками, сколько иностранными шпионами. Главный тезис, объединяющий этих авторов, сводится к тому, что немецкий шпионаж в России имел массовый характер.

Возражая против этого вывода, изложим свою точку зрения по обсуждаемой проблеме. Во-первых, заселение русских земель происходило не по указаниям германского Генерального штаба, как считают И. Никитинский и П. Софинов⁷, а по приглашению российской стороны. Широко известен факт, что переезд в Россию немецких помещиков и крестьян проходил по инициативе или с согласия русских императоров. Правительство, особенно во второй половине XVIII в., было заинтересовано в укреплении с помощью переселенцев приграничных районов России и освоении природных богатств. Русское правительство приветствовало экономическое “окультуривание” русского крестьянства и привнесение на отечественную почву передового европейского сельскохозяйственного опыта.

Во-вторых, И. Никитинский и П. Софинов голословно утверждают, что германская разведка “проверяла лиц, намечавшихся к переселению, с точки зрения их политической благонадежности и преданности идеям германизма”⁸.

Отметим, что в отделе “III Б” (центральный аппарат военной разведки) Большого кайзеровского Генерального штаба были лишь подразделения, занимавшиеся добыванием разведывательных сведений и их обработкой. Об этом пишут крупные специалисты по истории германской разведывательной службы⁹ и свидетельствуют мемуары ее руководителей¹⁰. Поэтому версия о причастности военной разведки к решению несвойственных ей жандармско-полицейских задач представляется несостоятельной.

Противоречащей суждению о массовом характере немецкого шпионажа, которое послужило поводом для полемики, является вторая часть тезиса И. Никитинского и П. Софинова: «Только после того, как германская разведка убеждалась в том, что “колонист” готов к выполнению ее заданий, ему предоставлялась возможность выехать из Германии»¹¹. Однако офицеры кайзеровского Генштаба не могли рассчитывать на профессионализм “колонистов-шпионов”.

Говоря о целенаправленном массовом внедрении “немецких шпионов” в приграничные районы России (если это на самом деле было так), следует констатировать, что

⁵ Агасиев И.К. Немецкие колонии в Волынской губернии, конец XVIII – начало XX в. Красноярск, 1999 (рукопись), с. 138.

⁶ Резанов А.С. Немецкое шпионство. Пг., 1915, с. 227–228; Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. Тбилиси, 1942, с. 43–50; Кудряшов С.В. Немецкий шпионаж в России. – Родина, 1993, № 5–6, с. 92–93; Кирмель Н.С. Организация русской контрразведки и ее борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1906–1917 гг.). Иркутск, 2000 (рукопись), с. 124–125.

⁷ Никитинский И., Софинов П. Указ. соч., с. 43.

⁸ Там же.

⁹ Клембовский В. Тайные разведки (военное шпионство). СПб., 1911; Резанов А.С. Указ. соч.; Звонарев К.К. Германская агентурная разведка. Т. 2. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1931.

¹⁰ Николаи В. Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и настоящее время. М., 1925.

¹¹ Никитинский И., Софинов П. Указ. соч., с. 43.

этот процесс был бесперспективен. Неоднородная масса немцев-колонистов не смогла бы сохранить в тайне от соседей и русских административно-полицейских властей свое сотрудничество с Генштабом иностранного государства.

В-третьих, указанные авторы допустили ошибку в определении ареала проживания немцев-колонистов и их численности в России к началу Первой мировой войны. Убежденность И. Никитинского и П. Софинова в массовом переезде немцев на Средний и Нижний Амур основана на неверных рассуждениях или литературном вымысле. В 1911 г. в Приамурье из 4 тыс. 83 иностранцев (без учета китайцев и корейцев) немецких подданных было всего 239, а вот японцев 3 тыс. 247 – в 13 раз больше, чем немцев¹². К началу 1913 г. на 69 тыс. 558 жителей Благовещенска приходилось лишь 154 европейца¹³.

Неоднозначное толкование вызывает и тезис о том, что вследствие “интенсивного насаждения немецких колонистов России” в преддверии Первой мировой войны их число составило 2 млн человек. Это число верно, если речь идет не только о колонистах, а о всех прибывших в Россию подданных кайзера Вильгельма II. В соответствии с выводами И.К. Агасиева и А. Приба общее количество немцев в России конца XIX – начала XX в. достигло 2–2,5 млн человек¹⁴.

Однако обсуждаемый показатель чрезмерно преувеличен. Как видно из периодической печати, на Дальнем Востоке состав немецких переселенцев был невелик и тем более они не доминировали в регионе. Например, по данным на 1897 г., в Тобольской губернии немцев-колонистов было не больше 1 тыс. чел.¹⁵ Значительно меньше немцев, чем это принято считать, было зарегистрировано в крупных военно-административных центрах Юго-Западной Сибири и вблизи сибирских стратегических объектов. По подсчетам полиции, в Омске и его окрестностях в 1910 г. проживал всего 71 германский подданный¹⁶. В местностях, прилегающих к Транссибирской железной дороге, немцев оставалось немного: к концу первого десятилетия XX в. русские власти стали препятствовать немецкому расселению¹⁷.

Большая часть немцев-колонистов не стремилась за Урал, а компактно расселялась в Юго-Западной и Центральной России. Да и общее число немцев-колонистов в стране было не столь велико.

Если же вслед за И. Никитинским и П. Софиновым предположить, что немцы-колонисты составляли многочисленную этноконфессиональную общность и каждый колонист был прямо или косвенно задействован в сборе военных сведений в пользу Германии, то эта гипотеза представляется не только необоснованной, но и просто нереалистичной.

Анализ показателей работы разведывательных и контрразведывательных отделений Военного министерства России свидетельствует, что иностранные (в частности, немецкие) шпионы разоблачались, арестовывались и привлекались к уголовной ответственности в несоразмерных общему числу 2 млн человек. пропорциях. Например, в Варшавском военном округе, как видно из материалов отчетности разведки штаба округа, с 1900 по 1910 г. по подозрению в шпионаже были задержаны 110 “германских агентов”¹⁸.

С 1911 по 1913 г. русская военная контрразведка арестовала в Варшавском военном округе – 61, в Виленском – 27, в Киевском – 26, в Одесском – 14, в Петербургском воен-

¹² Приамурские ведомости, 19.I.1912.

¹³ Амурский листок, 13.II.1913.

¹⁴ Агасиев И.К. Указ. соч., с. 159; Приб А. Указ. соч., с. 57.

¹⁵ Шкаревский Д.Н., Посохов В.Г. Тобольские немцы во второй половине XIX – начале XX в. – Вопросы истории, 2009, № 12, с. 65.

¹⁶ Государственный архив Омской области, ф. 14, оп. 1, д. 1242, л. 632–653.

¹⁷ Охотников А.Ю. Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социокультурной адаптации (1910–1960-е годы). Новосибирск, 2012, с. 24.

¹⁸ РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2270, л. 23.

ных округах – 9 иностранных разведчиков. Сколько из них было “немецких шпионов”, информации нет¹⁹.

Эти цифры свидетельствуют, что русская разведка, контрразведка, жандармская полиция противостояли десяткам, возможно, сотням, но отнюдь не тысячам или даже миллионам “немецких шпионов”.

Судя по русским газетам, с 1907 по 1913 г. в целом по России за шпионаж было задержано 89 чел. (за шпионаж в пользу Германии 36 чел.), из них: в Варшавском военном округе – 35 (за шпионаж в пользу Германии 14 чел.); Виленском – 25 (за шпионаж в пользу Германии 15 чел.); Петербургском – 6 (за шпионаж в пользу Германии 3 чел.); Киевском – 4 (о “немецких шпионах” информации нет); Одесском – 1 (о “немецких шпионах” информации нет)²⁰.

Из 32 лиц, задержанных по подозрению в сотрудничестве с германской разведкой в районах пяти приграничных военных округов России, 22 были русскими подданными (мещане, солдаты, нижние чины), 5 – немецкими офицерами и 8 принадлежали к категории “германские подданные”. Причем только четверо из них были замечены в добывании разведанных о Новогеоргиевской, Брест-Литовской и других крепостях и с большой долей вероятности являлись колонистами.

Статистика и немногочисленные упоминания о выявленных “германских шпионах” из немцев-колонистов опровергает сформировавшееся в советской (а ранее и в дореволюционной) историографии положение о сетевом характере шпионажа немецких колонистов на северо-западе, западе и юго-западе России в начале XX в. Переселенцы из Германии действительно участвовали в сборе военных сведений о русской армии, ее фортификационных сооружениях и иных стратегических объектах обороны в период между Русско-японской и Первой мировой войнами. Однако шпионов немцев-колонистов было меньше, чем занимавшихся шпионством российских подданных (русских и евреев).

Среди разведчиков-немцев преобладали не колонисты, а кадровые офицеры германского Генерального штаба. “Немецкая военная разведка, – писал один из ее начальников, – обязана своими успехами, в первую очередь, преданности и дельности своих офицеров”²¹.

Шпионаж с участием немцев-колонистов действительно был. Но, судя по сообщениям разведки русского Генштаба, статистическим данным об арестах “немецких шпионов” в губерниях Санкт-Петербурга, Варшавы, Вильны, Киева и Одессы, а также по результатам изучения периодической печати, можно утверждать, что германских и австро-венгерских военных разведчиков привлекали приграничные военные округа России. Было ли проявлено внимание германской и австро-венгерской разведок, использовавших колонистов, к сфере компетенции других российских военных округов – установить не удалось. Сегодня на этот вопрос не могут обстоятельно ответить ни опубликованные документы, ни специалисты по истории отечественных спецслужб.

И. Никитинский и П. Софинов бездоказательно заявляют, что большинство немецких граждан в России, состоявших членами добровольных обществ содействия германскому флоту, занимались осведомительной работой в интересах Берлина. Особенную активность, с их слов, “на поприще шпионажа” проявило общество “Флот-Ферейн”²². Обвиняя тысячи российских немцев, в том числе колонистов, компактно проживавших на побережье Финского и Рижского заливов (районы Эстляндской и Лифляндской

¹⁹ Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000, с. 179.

²⁰ Разведчик, 1907, № 890, с. 626; Харьковские вечерние новости, 24.VIII.1911; Черноморская речь, 19.I.1912; Московский голос, 17.VIII.1912; 25.VIII.1912; Смоленский вестник, 3.I.1913; Виленский военный листок, 15.V.1913; 28.VIII.1913; 4.IX.1913; 7.XII.1913; Амурский листок, 16.V.1913; 31.V.1913; Новое время, 2.IX.1913; 11.IX.1913.

²¹ Николаи В. Указ. соч., с. 134.

²² Никитинский И., Софинов П. Указ. соч., с. 65.

губерний), соавторы не выдвигают доказательств. Остается только догадываться, что скрывается за фразой “в 1910 г. департамент полиции подозревал членов общества флота в шпионаже в пользу Германии” и из какого источника она заимствована. Говоря о единичных обысках у членов названного общества, И. Никитинский и П. Софинов не уточняют, в каком году они состоялись, кто их инициировал (военные или полиция), последовали ли за обысками аресты и судебные разбирательства.

Более убедительной выглядит позиция помощника прокурора Варшавского окружного суда А.С. Резанова, изложенная в книге “Немецкое шпионство”. Придерживаясь мнения, что “Флот-Ферейн” был лишь органом пангерманизма, он заявлял, что “ближайшие цели, преследуемые Флот-Ферейном, указывают на тесные узы, связывающие его с официальной Германией, в лице службы разведки”²³. Приводится следующее доказательство: печатный орган “Флот-Ферейн” газета “Ди Флотте” писала: “Мы вас просим, читатели (видимо, речь шла о членах общества. – В.З.), сообщать нам, как вы живете. Присылайте нам снимки с выдающихся сооружений, с портовых построек, с железнодорожных путей”²⁴.

Однако этого факта, лишь косвенно указывающего на причастность к разведывательной деятельности членов правления “Флот-Ферейн”, недостаточно для обвинения немецкого народа (или его немалой части за пределами национальных границ), имевшего многовековую историю своего пребывания на территории России, в военном шпионаже.

²³ Резанов А.С. Указ. соч., с. 221.

²⁴ Там же, с. 222.